

Дерпте, «где он с успехом изучал немецкий язык и литературу и провел два счастливых года в кругу своей семьи, а также в общении с Вейраухом, Петерсеном и другими друзьями изящной словесности».

Я. Л. Левкович

ДУЭЛЬ И СМЕРТЬ ПУШКИНА В КОНСПЕКТИВНЫХ ЗАМЕТКАХ ЖУКОВСКОГО

Смерть Пушкина в свое время ошеломила современников. О событиях, предшествовавших дуэли, писали его друзья и враги, добрые знакомые, на глазах которых разворачивались частные эпизоды драмы, и люди, которые знали о ней только понаслышке. Для многих гибель поэта была закономерным финалом драмы ревности, наиболее дальновидные сумели увидеть в этой смерти завершение трагического конфликта поэта и общества. Воспоминания о дуэльных событиях писались обычно тогда, когда эти события стали уже прошлым, многое ушло из памяти, — поэтому в свидетельствах современников встречаются и неточности, и недомолвки, и противоречия.

Единственным документом, который писался сразу, во время событий, являются конспективные заметки Жуковского. Жуковский был душевно привязан к Пушкину и лучше других друзей поэта осведомлен о его делах — Пушкин ему доверял. Жуковский делал заметки для себя, а не для потомков. Они фиксируют события, начиная с 4 ноября — дня получения анонимных писем — до посмертного обыска на квартире поэта. Они написаны без оглядки на цензуру и приличия, без боязни задеть личности. В них нет отношения к фактам, единственная цель записей — точно зафиксировать события. Точность и хронологическая последовательность этих записей позволили первому историку дуэли П. Е. Щеголеву положить их в основу своего изложения дуэльных событий.¹ После Щеголева к этим запискам обращались другие исследователи — Б. В. Казанский, И. Боричевский, А. А. Ахматова, М. И. Яшин, С. Л. Абрамович. Однако не все пометы Жуковского были поняты. Попробуем еще раз присмотреться к этим заметкам, проследить по ним ход событий и объяснить те из них, которые не были расшифрованы.

Заметки Жуковского писались в несколько приемов и с разными целями. В первой группе записей (она относится ко времени около 11 ноября) потребность зафиксировать события диктовалась жизненной необходимостью: если конфликт вспыхнет снова, потребуется восстановить в памяти всю цепь предшествую-

¹ См.: *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. 3-е изд., просмотр. и дополн. М.; Л., 1928.

щих фактов. Вторая группа записей делалась после 10 января — дня свадьбы Дантеса и Екатерины Гончаровой, скорее всего накануне второго вызова, когда стало ясно, что назревает новый конфликт. Следующие записи относятся ко времени после смерти Пушкина. Здесь то же стремление к точности, но уже к точности события, имеющего историческое значение.

В первой строке заметок Жуковский записывает: «4 ноября. Les lettres anonymes». ² В этот день в квартиру Пушкина и еще по шести адресам городская почта доставила конверты с письмами одного содержания. На конверте значились имя и адрес получателя, а внутрь конверта было вложено письмо, адресованное Пушкину. Такое письмо, не распечатывая его, принес днем в дом Пушкина В. А. Соллогуб — молодой, тогда начинающий писатель, близкий друг Карамзиных. Пушкин покровительствовал ему в его литературных начинаниях. Письмо получила тетка Соллогуба А. И. Васильчикова. Но содержание письма было известно поэту. «Я уж знаю, что такое, — сказал Соллогубу Пушкин, — я такое письмо получил сегодня же от Елисаветы Михайловны Хитровой: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безымянным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может». ³

Городская почта была только недавно учреждена, и посылать анонимные письма было очень удобно: не нужно было прибегать к помощи посыльных и отправитель мог быть уверен, что след его затеряется. Кроме Е. М. Хитрово и Васильчиковой такие же письма получили Вяземские, М. Ю. Виельгорский, К. О. Россет и Карамзины.

Пасквиль пародировал грамоты на пожалование кавалерами орденов. Пушкин избирался коадьютором (т. е. помощником) великого магистра ордена рогоносцев. Магистром ордена был назван Д. Л. Нарышкин — знаменитый рогоносец, муж долголетней любовницы Александра I М. А. Нарышкиной, женщины «красоты неестественной, невозможной». ⁴

Анонимный пасквиль, причисляя Пушкина к ордену рогоносцев, метил не только в Дантеса, но и в царя. Сам Пушкин говорил П. В. Нащокину о Николае I, что тот «как офицеришка ухаживает за его женою; нарочно по утрам по несколько раз проезжает мимо ее окон, а ввечеру на балах спрашивает, отчего у нее всегда шторы опущены». ⁵ В обществе «внимание», которое оказывал император жене поэта, конечно же было замечено. Намек сразу понял Пушкин. Только так можно объяснить, почему

² Анонимные письма (*франц.*). Здесь и далее «Конспективные заметки» Жуковского цитируются по кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974, т. 2, с. 339—341.

³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 299.

⁴ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 437.

⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 194.

6 ноября он написал министру финансов Е. Ф. Канкрину письмо, в котором просил разрешения погасить свой долг правительству за счет передачи в казну нижегородского имения.⁶ Было известно, что Александр I щедро расплачивался с Д. Л. Нарышкиным. Пушкин явно не хотел, чтобы кто-нибудь из светских сплетников мог прочить ему судьбу «величавого рогоносца». 6 ноября он еще не знал, сколько было разослано писем и как широко было известно содержание пасквиля.

Автор недавно вышедшей книги о дуэли С. Л. Абрамович считает, что поводом к написанию письма послужило желание Пушкина «привести в порядок свои дела» перед дуэлью. «Он сделал попытку расплатиться с правительством сразу и сполна, — пишет она, — <. . .>. При других обстоятельствах Пушкин не пошел бы на это, ведь тем самым он лишал своих детей единственной недвижимости, которая ему принадлежала. Но в тои крайности, в которой он очутился, ему показалось, что он нашел способ разорвать гордиев узел и обеспечить себе свободу действий в отношениях с правительством».⁷ Такое объяснение не согласуется с поведением Пушкина в январе, перед дуэлью и после нее, когда он беспокоился о материальном положении семьи и был благодарен Николаю I за обещание позаботиться о судьбе жены и детей. П. Е. Щеголев, впервые увидевший в «дипломе» «намек по царской линии», понял правильно значение этого письма Пушкина.⁸ Не совсем права, как нам кажется, С. Л. Абрамович, когда пишет, что «и в свете, и в кругу друзей Пушкина появление анонимных писем связывали только с именем Дантеса».⁹ До нас дошли устные рассказы В. А. Соллогуба, относящиеся к дуэльной истории. Один из них записал горячий поклонник Пушкина Н. И. Иваницкий: «23 февраля 1846. Вот что рассказывал граф Соллогуб Никитенке о смерти Пушкина. Разумеется, обвинения в связи с дуэлью пали на жену Пушкина, что будто бы была она в связях с Дантесом. Но Соллогуб уверяет, что это сущий вздор. Жена Пушкина была в форме красавица и поклонников у ней были целые полки. Немудрено, стало быть, что и Дантес поклонялся ей, как красавице; но связей между ними не было. Подозревают другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной при дворе, так думают, что не было ли у ней связей с царем. Из этого понятно будет, почему Пушкин искал смерти и бросался на всякого встречного и поперечного. Для души поэта не оставалось ничего, кроме смерти».¹⁰ Иваницкий путает, когда пишет, что Н. Н. Пушкина была фрейлиной (ему, как и другим, известны серальные привычки Николая I), но это не меняет основного смысла рассказа Соллогуба. Соллогубу было ясно скрытое содер-

⁶ Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. [М.; Л.], 1949, т. XVI, с. 182—183.

⁷ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. (Предыстория последней дуэли Пушкина). Л., 1984, с. 95.

⁸ См.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 436—438.

⁹ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году, с. 98.

¹⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 482.

жание пасквиля, намекавшего не на Дантеса, а на царя. Письмо к Канкрину свидетельствует, что так понял пасквиль сам Пушкин — очевидно, именно это и позволило ему считать инициатором его Геккерна. Намек же на Дантеса несомненно должен был привести к дуэли — этого посланник (Пушкин считал его составителем пасквиля, мы бы сказали — вдохновителем) не мог не понимать.

В тот же день, 4 ноября, Пушкин отправил вызов Дантесу на квартиру его приемного отца Геккерна. Дантес был дежурным по полку и вызов попал в руки Геккерна.¹¹

Анонимное письмо и немедленная реакция Пушкина — вызов привели в смятение родных поэта. Решено было обратиться к Жуковскому, который находился в это время в Царском Селе. В Царском Селе служил брат Натальи Николаевны Иван Николаевич Гончаров — офицер лейб-гвардии Гусарского полка. «Гончаров у меня. Моя поездка в Петербург. К Пушкину», — записывает Жуковский.

Посещение Гончарова Жуковский относит к 6 ноября. Узнав о вызове, он немедленно приехал в Петербург. Жуковскому не раз приходилось выручать Пушкина из трудных житейских ситуаций. Надеялся он отвести беду от Пушкина и на этот раз. Но еще до Жуковского у Пушкина дважды побывал Геккерн с просьбой отсрочить дуэль. Жуковский с помощью Е. И. Загряжской пытается уладить конфликт. 6 и 7 ноября он все время в разъездах. В заметках он фиксирует свои встречи с Загряжской, с друзьями Пушкина — Вяземским и Виельгорским. И тот и другой получили анонимные письма, и вызов, который Пушкин обещал Жуковскому хранить в тайне, не мог быть тайной от них.

Геккерн знал о влиянии Жуковского на Пушкина и всячески стремился заручиться его доверием. В записи Жуковского за 7 ноября читаем: «Я поутру у Загряжской... От нее к Геккерну (*Mes antecedents*).¹² Незнание совершенное прежде бывшего. Открытия Геккерна. О любви сына к Катерине (моя ошибка на счет имени). Открытие о родстве, о предполагаемой свадьбе. — Мое слово. — Мысль [дуэль] все остановить. Возвращение к Пушкину. *Les révélations*.¹³ Его бешенство». Эта запись давно разгадана еще Щеголевым.

Спасая жизнь и честь Дантеса, Геккерн выстроил хитро сплетенную версию. Его «открытия» о любви Дантеса к сестре Н. Н. Пушкиной удивили Жуковского, и он даже «ошибся» на счет имени — предположив, что речь идет об Александрине. Любовная игра Дантеса с Екатериной Гончаровой затевалась, чтобы возбудить ревность жены поэта, и не была новостью в свете.¹⁴

¹¹ См.: Яшин М. И. Хроника преддуэльных дней. — Звезда, 1963, № 8, с. 161.

¹² Мои прежние действия (*франц.*).

¹³ Открытия, разоблачения (*франц.*).

¹⁴ См.: Пушкин в письмах Карамзиных. М.; Л., 1960, с. 109, 190—191.

Теперь эта игра могла пригодиться Дантесу для спасения жизни. Но Жуковский удивляется своему «незнанию».

Геккерн прибег к еще одной лживой уловке — очевидно, сказал Жуковскому, что Дантес — его побочный сын (в обществе недоумевали, почему посланник усыновил молодого офицера). «Открытия», которым поверил простодушный Жуковский, привели Пушкина в «бешенство». Да и как было не привести, когда об ухаживании Дантеса он знал от самой Натальи Николаевны, сам был свидетелем его поведения, сам наблюдал, как «красивая наружность», «несчастливая страсть» (из письма к Геккерну от 21 ноября)¹⁵ вызывали ответное чувство у его жены.

День 8 ноября посвящен переговорам. «Pourparlers».¹⁶ Геккерн у Загряжской. Я у Пушкина. Большое спокойствие. Его слезы. То что я говорил о его отношениях», — записывает Жуковский. В разговоре с Загряжской Геккерн, очевидно, подтвердил предложение Екатерине, чтобы успокоить тетку. Жуковский в свою очередь пытается воздействовать на Пушкина и умерить его «бешенство», напоминая ему о его увлечениях («отношениях»). В этой записи фиксируются как бы два взаимоисключающих эмоциональных состояния Пушкина: «большое спокойствие» и «слезы». «Спокойствие» — это состояние человека, принявшего решение цепой жизни смыть оскорбление, нанесенное его дому, его жене, ему самому. «Слезы» — душевная боль, которую можно открыть только такому близкому и любящему человеку, как Жуковский.

9 ноября Геккерн снова оказывает давление на Жуковского. В его записках читаем: «Les révélations de Heckern».¹⁷ Какие «разоблачения» сделал Геккерн Жуковскому на этот раз? Можно предположить следующее: свои «тайны» Геккерн ему уже изложил; объектом новых разоблачений теперь, очевидно, становится Пушкин. Скорее всего, в ход пускаются какие-то, порочащие Пушкина слухи.

П. И. Бартнев записал со слов А. О. Россета (брата А. О. Россет-Смирновой), что уже «летом 1836 года шли толки, что у Пушкина в семье что-то неладно: две сестры, сплетни и уже замечали волокитство Дантеса».¹⁸

Упоминаемые Россетом «сплетни» связаны с именем Александрины Гончаровой. Средняя сестра Натальи Николаевны — особа хозяйственная и заботливая, умная и наблюдательная. В. Ф. Вяземская вспоминала, что в доме Пушкиных «хозяйством и детьми» занималась Александрина. Александрина с пониманием и сочувствием относилась к поэту. Пушкин делился с ней своими планами и намерениями. Это подтверждает, например, ее письмо к брату Дмитрию в конце июля 1836 г., в котором имеет-

¹⁵ Пушкин. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 396.

¹⁶ Переговоры (франц.).

¹⁷ Разоблачения Геккерна (франц.).

¹⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 315.

ся тщательно зачеркнутая фраза. Ее разобрала И. Ободовская. Александра Николаевна передает брату просьбу Пушкина прислать ему писчей бумаги разных сортов и добавляет: «...не задержи с отправкой, потому что мне кажется, он скоро уедет в деревню». И. Ободовская полагает, что Пушкин собирался летом 1836 г. увезти жену в деревню. Своим планом он поделился со свояченицей, прося сохранить его в тайне, потому она и зачеркнула эти, случайно вырвавшиеся слова.¹⁹ Александрина была одной из двух женщин, которые знали о предстоящей дуэли (вторая — старинная приятельница поэта, дочь хозяйки Тригорского П. А. Осиповой — Е. Н. Вревская). Обе они молчали, понимая, что обстоятельства сильнее поэта.

Пущенная врагами сплетня превратила хорошие отношения Пушкина и свояченицы во влюбленность. Эта сплетня проникла даже в дружественный Пушкину дом Карамзиных. Вот, например, что пишет в среду, 27 января, С. Н. Карамзина брату Андрею о вечере у Мещерских: «В воскресенье у Катрин было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны (которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра. Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя, — это начинает становиться чем-то большим обыкновенной безправственности; Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который всерьез в нее влюблен. И если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству. В общем все это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвертывает его от дома Пушкиных)».²⁰

Эти строки пишутся в тот самый день, 27 января, когда на Черной речке трагически завершились дни, месяцы, даже годы страданий поэта.

Со «сплетней», которую вспомнил А. О. Россет, связана еще одна запись Жуковского: «История кровати». Сплетня переживает Пушкина и дойдет до А. П. Араповой — дочери Н. Н. Пушкиной от второго брака с Ланским. В своих воспоминаниях, похожих на страницы бульварного романа, Арапова со вкусом будет порочить Пушкина и тетку. Она расскажет гнусную в своей неправдоподобности историю о том, как шейный крестик Александрины будто бы был найден камердинером, постилавшим кровать Пушкина.²¹ У Жуковского намек на эту сплетню появляется во второй, январской записи, после слов «Les Révélations

¹⁹ См.: Ободовская И., Дементьева М. Вокруг Пушкина. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975, с. 311.

²⁰ Пушкин в письмах Карамзиных, с. 165.

²¹ Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. (К семейной хронике жены А. С. Пушкина). — Новое время, 1908, № 11413, приложение.

d'Alexandrine»²² и сообщения о поведении Дантеса с женой. Не от самой ли Александрины услышал Жуковский «историю кровати»? В рассказе Араповой фигурирует «старая няня» — свидетельница последних месяцев жизни Пушкина. А. А. Ахматова предположила, что «сплетни» о Пушкине и Александрине пустили в ход Геккерны.²³ Правда, Ахматова причисляет Александрину к врагам Пушкина, называет ее «конфиденткой» Геккернов, а о свидетельстве Россета не упоминает. Заметим, что слуги — удобная почва для распространения в свет любой клеветы. Кто-то из слуг мог рассказать Александрине, о чем судачат за пределами господских комнат.

«Разоблачения Александрины» относятся уже ко времени после свадьбы Дантеса. Как же развивались события после 9 ноября? Вернемся к заметкам Жуковского. После даты «9 ноября» и «разоблачений Геккерна» он записывает: «Мое предложение посредничества. Сцена втроем с отцом и сыном. Мое предложение свидания».

Геккерны добивались свидания с Пушкиным — об этом мы знаем не только из записи Жуковского, но и из писем к нему «старого» Геккерна. Они требовали, чтобы Пушкин согласился встретиться с ними и объяснил причину вызова. Но на предложение Жуковского поэт ответил отказом. 10 ноября в заметках читаем: «Молодой Геккерн у меня. Я отказываюсь от свидания».

Почему Пушкин решительно не хотел встречаться с Геккернами и не хотел вдаваться в какие бы то ни было объяснения?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, в историю дуэли необходимо ввести еще одно лицо — Идалию Полетику. В последние годы жизни Пушкина она была близкой подругой его жены. В письмах Пушкин несколько раз упоминает (очень дружелюбно) о Полетике. Осенью 1833 г., когда он был в Болдине, Полетика передавала ему через Наталью Николаевну поцелуй. Поэт отвечал шутливо: «Полетике скажи, что за ее поцелуем явлюсь лично, а что де на почте не принимают».²⁴ Переданный поэту поцелуй уже тогда, по-видимому, был притворством. Современники и биографы Пушкина отмечали, что Полетика ненавидела Пушкина и сохранила это чувство до смерти. Уже в старости она возмущалась, что Пушкину хотят поставить памятник в Одессе, и собиралась поехать и плюнуть на памятник. После дуэли она была полностью на стороне Дантеса. В письмах к Дантесу и к его жене в 1837—1839 гг. она горячо сочувствует убийце поэта и злорадствует, что не оправдались надежды на посмертное издание сочинений Пушкина.²⁵

²² Разоблачения Александрины (франц.).

²³ Ахматова Анна. О Пушкине. Л., 1977, с. 137—142.

²⁴ Пушкин. Полн. собр. соч., т. XV, с. 89.

²⁵ См. ее письма к Е. Н. Дантес-Гончаровой от конца 1838 — начала 1839 г. в кн.: Звежня. М., 1951, кн. IX, с. 179—183.

Муж Идалии Полетики был приятелем Дантеса по полку. Однажды Полетика пригласила Наталью Николаевну приехать к ней. Жили Полетики в кавалергардских казармах. Когда Пушкина приехала, вместо хозяйки дома в комнатах ее встретил Дантес. Дантес клялся в любви и грозил застрелиться у нее на глазах. Неожиданный приход маленькой дочки Идалии прекратил эту сцену. Подстроенная встреча показывает, что Полетика еще до дуэли была недругом Пушкина и его жены. Причины такого отношения к своей «подруге» и ее мужу мы не знаем; возможно, светские успехи жены поэта не давали покоя побочной дочери графа Г. А. Строганова.

Встречу Пушкиной с Дантесом на квартире Полетики биографы относили к январю и считали непосредственным поводом к дуэли. Недавно С. Л. Абрамович определила дату этой встречи: не январь, а 2 ноября 1836 г.²⁶ О том, что было за несколько дней до этой встречи, известно со слов Александра Карамзина: «Старик Геккерн сказал госпоже Пушкиной, что он (Дантес. — Я. Л.) умирает из-за нее, заклинал ее спасти его сына, потом стал грозить мстью; два дня спустя появились анонимные письма».²⁷ Угрозы Геккерна, подстроенное свидание, анонимные письма выстраиваются в звенья одной цепи.

Об оскорбительных предложениях Геккерна и свидании у Полетики Пушкин узнал от жены 4 ноября, когда пришли анонимные письма. «Эти письма, — писал потом Вяземский вел. кн. Михаилу Павловичу, — привели к объяснению супругов Пушкиных между собой и заставили невинную, в сущности, жену признаться в легкомыслии и ветрености, которые побуждали ее относиться снисходительно к навязчивым ухаживаниям молодого Геккерена: она раскрыла мужу все поведение молодого и старого Геккеренов по отношению к ней; последний старался склонить ее изменить своему долгу и толкнуть ее в пропасть».²⁸

После угроз посланника и свидания у Полетики Пушкин понял, что репутация его жены зависит теперь от Геккеренов. Мстью «отвергнутого» Дантеса могла быть огласка — первым шагом на этом пути и стал анонимный пасквиль. Этим можно объяснить твердую уверенность поэта в том, что пасквиль исходил от Геккеренов. О своих подозрениях Пушкин не сказал даже Жуковскому (реакцией на вопросы и уговоры Жуковского были только «его слезы»). Сказав о подозрениях, нужно было бы изложить и основания, на которых они возникли, а о свидании у Полетики Пушкин говорить не хотел.

Событиями 10 ноября (отказом Пушкина от свидания с Геккернами) заканчивается первая серия заметок Жуковского.

Следующая группа записей начинается так:

²⁶ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году, с. 53—66.

²⁷ Пушкин в письмах Карамзинных, с. 190.

²⁸ Цит. по; Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина, с. 259.

«После того как я отказался.

Присылка за мною Е.<катерины> И.<вановны>, Что Пушкин.<ин> сказал Александрине.

Мое посещение Геккерна.

Его требование письма.

Отказ Пушкина. Письмо, в котором упоминает о сватовстве. Свидание Пушкина с Геккерном у Е.<катерины> И.<вановны>.

Письмо Дантеса к Пушкину и его бешенство.

Снова дуэль. Секундант. Письмо Пушкина».

Эти записи давно расшифрованы Щеголевым. Его аргументацию уточнила С. Л. Абрамович. Повторим кратко, что скрывается за этими записями. Жуковский передал Геккернам отказ Пушкина от встречи и переговоров с ними. Тогда вступила в действие Е. И. Загряжская. Женитьба Дантеса, казалось, могла разрубить все узлы — предотвратить дуэль, остановить светских сплетниц, избавить от позора младшую племянницу, устроить судьбу старшей. Пушкин относился к Загряжской с уважением и мог склониться на ее просьбу о встрече.

Что Пушкин «сказал Александрине» — мы не знаем, скорее всего, что он не верит искренности Дантеса и считает его предложение Екатерине лживой уловкой труса. О том, что свадьба не состоится, он говорил С. Н. Карамзиной и В. А. Соллогубу.²⁹

Однако настоящим тетки от противиться не стал. 14 ноября состоялось его свидание с Геккерном в Зимнем дворце у Е. И. Загряжской. Очевидно, тут, в присутствии Загряжской и Жуковского, Геккерн еще раз подтвердил свое предложение Е. Н. Гончаровой; Пушкин пошел на уступки — согласился взять вызов обратно.

Можно было думать, что выход найден и цель многодневных усилий Жуковского, Загряжской, Геккерна была достигнута. Но тут выступил со своими претензиями Дантес. Он потребовал от Пушкина письменного мотивированного отказа от вызова. Свои требования он изложил в письме, которое заканчивалось словами: «...прежде чем закончить это дело, необходимо, чтобы объяснения как одной, так и другой стороны были таковы, чтобы мы впоследствии могли уважать друг друга».³⁰

Пушкин относиться с уважением к Дантесу не желал, а письмо Дантеса, надевшего личину благородного человека, снова привело его в «бешенство». Он согласился написать письмо, но только такое, в котором отказ от вызова был бы мотивирован сватовством. Переговоры зашли в тупик.

Срок двухнедельной отсрочки, которую Пушкин дал Геккерну, истекал 16 ноября. Письменного отказа от дуэли Дантес не

²⁹ См.: Пушкин в письмах Карамзиных, с. 487; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 304. К такому же предположению пришла и С. Л. Абрамович (*Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году*, с. 120).

³⁰ *Пушкин*. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 187, 395.

получил. Ему не оставалось ничего другого, как послать к Пушкину своего секунданта — атташе французского посольства д'Аршиака.

Об этом этапе дуэльной истории мы знаем со слов секунданта Пушкина, В. А. Соллогуба. Предоставим слово ему: «У Карамзиных праздновался день рождения старшего сына (здесь Соллогуб ошибается: речь идет о 16 ноября — дне рождения Е. А. Карамзиной. — Я. Л.). Я сидел за обедом подле Пушкина. Во время общего веселого разговора он вдруг нагнулся ко мне и сказал скороговоркой: „Ступайте завтра к д'Аршиаку. Условьтесь с ним насчет материальной стороны дуэли. Чем кровавее, тем лучше. Ни на какие объяснения не соглашайтесь“. Потом он продолжал шутить и разговаривать, как бы ни в чем не бывало. Я остолбенел, но возражать не осмелился. В тоне Пушкина была решительность, не допускавшая возражения».³¹

Вечером 16 ноября состоялся раут у Фикельмонов в австрийском посольстве. В записках Жуковского читаем: «Записка Н. Н. ко мне и мой совет. Это было на рауте Фикельмона».

О чем писала Наталья Николаевна Жуковскому — неизвестно. Просила повлиять на мужа? В чем? Может быть, ее просьба касалась сестры? Именно в эти дни Пушкин убеждал друзей, что «эта свадьба — один обман». Наталья Николаевна любила сестру и, конечно, не хотела, чтобы о ее замужестве судачили в свете.³²

17 ноября состоялась встреча секундантов.

Чтобы закончить дело без дуэли и скандала, секунданты поступились интересами Дантеса. От Пушкина попросили только «засвидетельствовать словесно», что он не приписывает брака Дантеса «расчетам, недостойным благородного человека». Пушкин ответил не «словесно», а письмом: «...прошу теперь господ свидетелей этого дела, — писал он, — соблаговолить считать этот вызов как бы не имевшим места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека».³³

Как видим, на компромисс Пушкин не пошел. За текстом письма угадывается намек на связь между дуэлью и сватовством Дантеса. Больше того, Пушкин, который до последнего дня не верил, что дело дойдет до свадьбы, своим письмом отрезал ему путь к отступлению. Слова о скорой женитьбе были теперь как бы засвидетельствованы документом. Письмо Пушкина секунданты Дантесу не показали. Д'Аршиак сказал ему: «Этого доста-

³¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 301.

³² С. Л. Абрамович считает, что «скорее всего Наталья Николаевна по настроению мужа поняла, что дело опять приняло плохой оборот» (*Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году*, с. 133). Но Соллогуб пишет, что Пушкин был весел и «шутил». Был весел, потому что принял решение. И в день дуэли он тоже «встал весело», как запишет потом Жуковский.

³³ *Пушкин*. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 188, 396.

точно» — и поздравил его. В тот же день, вечером, на балу у С. В. Салтыкова, было объявлено о помолвке, а 10 января состоялась и свадьба.

После того как помолвка Дантеса стала достоянием гласности, Пушкин считал, что ему он отплатил сполна: сделал посмешищем в глазах света, вынудив жениться на «ручке от метлы», как назвал Е. Н. Гончарову один из современников.³⁴ Остался «старик» Геккерн. Вяземский писал, что «как только были получены анонимные письма, Пушкин заподозрил в сочинении их старого Геккерна и умер с этой уверенностью». 21 ноября Пушкин решил нанести удар тому, кого считал своим главным противником и оскорбителем. Позвав в этот день своего секунданта Соллогуба в кабинет, он запер двери и сказал: «Я прочитаю вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте». «Тут он, — пишет Соллогуб, — прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику».³⁵

События 21-го числа и ближайших двух дней — пожалуй, наиболее неясные во всей истории дуэли. Тем же днем, 21 ноября, датировано еще одно письмо Пушкина — к Бенкендорфу: «Граф! Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить Вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе...»³⁶ — так начиналось письмо. Дальше следовал рассказ об анонимном пасквиле.

Через два дня, 23 ноября, в Аничковом дворце Николай I «принимал камер-юнкера Пушкина». Такая запись имеется в камер-фурьерском журнале. Запись о приходе Пушкина была найдена в 1928 г. Щеголевым.³⁷ Все, о чем писал поэт Бенкендорфу, он мог изложить Николаю с глазу на глаз. «Царю известно все мое дело», — сказал Пушкин Е. Н. Вревской накануне дуэли.³⁸ До нас дошло несколько свидетельств Вяземского³⁹ и одно Е. А. Карамзиной о разговоре Пушкина с царем. Оба знали, что Пушкин дал царю обещание «больше не драться ни под каким предлогом»,⁴⁰ но не знали, когда и при каких обстоятельствах это обещание было дано (Карамзина пишет: «после истории со своей первой дуэлью»), да и о разговоре с царем они узнали уже после дуэли, когда Пушкин «просил прощения» за несдержанное слово. Можно не сомневаться, что разговор происходил

³⁴ См. письмо П. А. Вревского к В. А. Вревскому от 23 декабря 1836 г.: Пушкин и его современники. Пг., 1915, вып. 29—30, с. 397 (подлинник по-французски).

³⁵ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 305.

³⁶ Пушкин. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 191, 397.

³⁷ Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Л., 1931, с. 140—149 (впервые: Огонек, 1928, № 24).

³⁸ Русский вестник, 1869, № 11, с. 90—91.

³⁹ Русский архив, 1865, № 5—6, стб. 765; 1888, № 7, с. 308; 1902, № 10, с. 235.

⁴⁰ Пушкин в письмах Карамзиных, с. 170.

23 ноября, когда Пушкин пришел во дворец, чтобы говорить о пасквиле. Правда, об авторстве Геккерна он все же не упомянул.⁴¹

Казалось, все события укладываются в логическую схему: письмо к Бенкендорфу, аудиенция, обещание, что дуэли не будет, просьба о прощении на смертном одре.

Эту схему, принятую Щеголевым и другими исследователями, опровергла недавняя находка пушкинских материалов в архиве секретаря Бенкендорфа (и поклонника Пушкина) П. И. Миллера.⁴² У Миллера среди прочих пушкинских бумаг нашлось и письмо к Бенкендорфу от 21 ноября. Из пометы на автографе стало очевидным, что письмо это не было отправлено Пушкиным по назначению и попало в руки Бенкендорфа только после смерти поэта — 11 февраля. Не было отправлено и письмо к Геккерну. Пушкин хранил его до 25 января, т. е. до того дня, когда он решил: быть поединку. Новое, донельзя оскорбительное письмо к голландскому посланнику писалось 25 января на основе ноябрьских черновиков.⁴³

Итак, мы знаем, что 21 ноября Пушкин написал два письма — и оба письма остались неотправленными. Как связывались в сознании поэта эти письма? Казалось бы, что каждое из них опровергает другое и что отсылка этих двух писем одновременно психологически невероятна. Оскорбительное письмо Геккерну вело к дуэли, письмо к Бенкендорфу должно было ее остановить. Предположение, что Пушкин, оскорбляя Геккерна, т. е. провоцируя дуэль, предпринимал шаги к тому, чтобы дуэль не состоялась, невозможно. В письмах к Бенкендорфу Пушкин прямо обвинял посланника в составлении анонимных писем, отказываясь представить какие бы то ни было мотивы своего обвинения. «Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены, — писал он, — и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу и не хочу представлять кому бы то ни было доказательство того, что утверждаю».⁴⁴ Пушкин не требовал «правосудия», но мог надеяться, что правительство обратит внимание на то, «что недавно произошло» в его семействе, и поступит, как сочтет нужным. А могло счесть нужным разобраться в истории с пасквилом и не только выразить свое неудовольствие посланнику, но и принять меры к удалению его из

⁴¹ См.: *Эйдельман Н. Я.* Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера. — *Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина.* М., 1974, вып. 35, с. 317; ср.: *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году, с. 162.

⁴² *Эйдельман Н. Я.* Десять автографов Пушкина из архива П. И. Миллера, с. 317.

⁴³ Историю текста письма см.: *Казанский Б. В.* Письмо Пушкина к Геккерну. — В кн.: *Звенья.* М.; Л., 1936, кн. VI, с. 5—92; *Измайлов Н. В.* История текста письма Пушкина к Геккерну. — В кн.: *Летописи Государственного Литературного музея.* М., 1936, кн. 1, с. 338—357.

⁴⁴ *Пушкин.* Полн. собр. соч., т. XVI, с. 192, 398.

Петербурга. Наверное, мысль о том, что Геккерна могут удалить из Петербурга, мелькала в сознании Пушкина, когда он был готов заявить правительству, что аккредитованный посланник Нидерландского королевства — мерзавец, занимающийся составлением подметных писем (да еще писем, в которых содержатся намеки на двух императоров — покойного и ныне царствующего).

Мог ли Пушкин надеяться, что обвинение, не подтвержденное конкретными доводами, будет принято? Когда писал письмо, очевидно, думал, что царю достаточно его слова; написав письмо и обдумав его еще раз, в этом усомнился.

Поэтому позволим себе предположить, что письмо к Геккерну было написано (или закончено) только тогда, когда отпала мысль о посылке письма Бенкендорфу. Подтверждение этого мы находим в словах самого Пушкина. В ноябрьском письме к Геккерну есть фраза, которая сразу же была вычеркнута Пушкиным: «Быть может вы желаете знать, что помешало мне до сих пор обесчестить вас в глазах нашего двора и двора вашего». ⁴⁵ Истолковать ее можно только так: хотел «обесчестить» (написал письмо к Бенкендорфу), но не стал (не отослал письма).

Эта вычеркнутая фраза не оставляет сомнения, что Пушкин имел два плана мести, что он колебался, какой из путей выбрать, и, наконец, отказавшись от обращения к правительству (т. е. «обесчестить» Геккерна в глазах «дворов» российского и голландского), решил нанести ему оскорбление, которое можно было смыть только кровью.

Почему же письмо к Геккерну не было отправлено? Вернемся к рассказу Соллогуба о дне 21 ноября, когда Пушкин, сказав: «Теперь мне старичка подавайте», прочел ему это письмо. Соллогуб пишет: «Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день кн. Одоевского), то поехал к кн. Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить отсылку письма». ⁴⁶ Жуковский, конечно, сразу же, не откладывая на завтра, поспешил к Пушкину. Еще раз он выступил в роли миротворца; результатом его посещения и было их, по-видимому, общее с Пушкиным решение — просить аудиенции у царя.

Итак, была аудиенция, был разговор Пушкина с царем, в результате этого разговора Пушкин не стал посылать Геккерну приготовленное письмо. Все это составляет значительное звено в истории преддвуэльных дней. Однако пунктуальный Жуковский в своих заметках все эти события опускает. Высказывалось мнение, что об аудиенции во дворце и об обещании, которое Пушкин дал царю, Геккерны знали, что об этом могли рассказать Дантесу либо Александр Карамзин, либо Екатерина Гончарова. ⁴⁷

⁴⁵ Там же, с. 424.

⁴⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 304.

⁴⁷ *Абрамович С. Д.* Пушкин в 1836 году, с. 178.

Заметки Жуковского убеждают нас, что свидание с царем держалось в строжайшей тайне. Жуковский не сказал о нем секунданту Пушкина Соллогубу, который предупредил его об опасности, больше того, он не доверил тайну свидания своим заметкам. Не удивительно поэтому, что об аудиенции и об обстоятельствах, при которых Пушкин дал царю слово, не упоминает никто из современников. Они просто об этом не знали, и, если бы не обнаруженная Щеголевым запись в камер-фурьерском журнале, не знали бы о свидании поэта с царем и мы.

Что хотел скрыть Жуковский от тех, кому могли попасть в руки его записи? Наиболее вероятный ответ: роль, которую играл император в дуэльной истории. Царь знал об опасности, грозящей поэту, и не уберег его. Взяв с Пушкина слово, Николай, очевидно, в свою очередь дал поэту какие-то обещания или заверения: может быть, приструнить наглого кавалергарда; может быть, найти улики против составителя пасквиля; может быть, выразить свое недовольство дипломату. Когда в январе Жуковский вернулся к своим записям, было ясно, что своего обещания царь не сдержал.

Почему же Пушкин нарушил слово, данное царю, т. е. совершил поступок, за который можно было поплатиться и в случае благополучного исхода дуэли? Предполагали, что полученный 4 ноября анонимный пасквиль не был единственным, что анонимные письма и потом преследовали Пушкина, что в январе он получил письмо, сообщавшее о свидании Н. Н. Пушкиной с Дантесом у Полегики.⁴⁸ Тогда дата свидания еще не была установлена. Этот повод, как мы видели, отпадает. Свидание состоялось 2 ноября, и через два дня Пушкин получил пасквиль. Да и были ли еще анонимные письма?

В качестве доказательства того, что были, приводилось военно-судное дело о дуэли Пушкина с Дантесом. В числе заданных Дантесу вопросов был такой: «Кто писал в ноябре и после того к г. Пушкину письма от неизвестных и кто виновник оных?».⁴⁹ Скорее всего, аудитор Маслов, составлявший вопросные пункты, знал, что анонимное письмо было получено в ноябре, знал, что писем было несколько, но не разобрался в том, что это были идентичные письма, отправленные в один день, потому и спрашивал о письмах, полученных «после». Следов январских писем мы не находим ни в переписке, ни в воспоминаниях лиц из ближайшего окружения Пушкина. Не упоминает о каких-либо письмах (кроме пасквиля) и Жуковский в своих заметках — это позволяет сказать, что их не было.

Обратимся снова к заметкам Жуковского. Отмечая последовательно все известные ему факты, предшествующие дуэли, он фиксирует не только события, в которых принимал участие сам;

⁴⁸ Яшин М. И. Хроника дуэльных дней. — Звезда, 1963, № 9, с. 174.

⁴⁹ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900, с. 74.

недостающие звенья он дополняет, собирая сведения у лиц, стоящих близко к событиям.

После эпизода с «секундантом» и «запиской Н. Н.» «на рауте Фикельмона» Жуковский записывает:

«После свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ее спиной.

Les Révélations d'Alexandrine. При тетке ласка с женой; при Александрине и других, кои могли бы рассказать, des brusqueries.⁵⁰ Дома же веселость и большое согласие.

История кровати.

La gaillard tire bien.⁵¹

Vous m'avez porte bonheur».⁵²

Щеголев и другие исследователи считали, что «два лица» Дантеса относятся к Екатерине. Ахматова впервые привела догадку Е. С. Булгаковой, что Жуковский пишет о двуличии Дантеса по отношению к Пушкиной.⁵³ Очевидно, заметила это двуличие наблюдательная Александрина, тут же рассказавшая о нем Жуковскому. Александрина встречалась с новобрачными у тетки и бывала у них в доме. До Александрины дошла, вероятно, и «сплетня», связывающая ее имя с Пушкиным, и Жуковский, очевидно, с ее слов записал: «История кровати».

Следующая группа записей относится уже к самому дню дуэли. Последний преддвуэльный эпизод обозначен фразами о «балагуре». Что они значат?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к записи, сделанной после дуэли. Занеся на бумагу все подробности, связанные с возвращением раненого Пушкина домой, Жуковский добавляет: «В понедельник приезд Геккерна, ссора на лестнице». После этих слов следует запись о получении денег на похороны Пушкина: «Получены деньги из Государств. казначейства 1-го февраля 10 000. Отдал графу Григорию Александровичу Строганову».

Запись о приезде Геккерна к Пушкину в понедельник 25 января заслуживает особого внимания. Именно в понедельник, 25 января, Пушкин написал непоправимо оскорбительное письмо к Геккерну. Выказанную Соллогубу угрозу: «Теперь мне старичка подавайте» — он осуществил в этот день. Записав «ссору на лестнице», Жуковский уже знал от В. Ф. Вяземской (они вместе проводили долгие часы после дуэли на квартире умирающего Пушкина), что в тот же понедельник, 25 января, Пушкин на вечере у Вяземских сказал хозяйке дома, глядя на Дантеса: «Что меня забавляет, это то, что этот господин веселится, не предчувствуя, что ожидает его по возвращении домой. — Что же именно? — сказала я. — Вы ему написали? Он сделал утверди-

⁵⁰ Грубости (франц.).

⁵¹ Балагур метит хорошо (франц.).

⁵² Вы принесли мне счастье (франц.).

⁵³ Ахматова Анна. О Пушкине. Л., 1977, с. 256.

тельный знак и прибавил: Его отцу. — Как! Письмо уже послано? — Он сделал тот же знак». ⁵⁴

Очевидно, «ссора на лестнице» была последней вспышкой гнева.

Жуковский не объясняет, зачем приезжал Геккерн и что вызвало «ссору» (в доме все должны были ее слышать — и домашние, и слуги). Геккерн, конечно, просил доложить о себе, но, взбешенный его приходом, поэт сам выбежал на лестницу, чтобы выгнать вон.

Объяснение этой ссоры находим в «оскорбительном» письме Пушкина. Пушкин начинает его словами: «Барон! Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно». Первая часть этого «итога» действий Геккернов кончается «жалкой ролью», которую Пушкин заставил сыграть Дантеса после вызова; вторая — изложением махинаций самого Геккерна. Дальше следует фраза: «Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей». ⁵⁵ Почему вдруг вылились эти слова? Письмо провоцировало вызов на дуэль, причем же здесь «сношения между семьями»? Когда первый конфликт, в ноябре, был улажен, секундант Дантеса д'Аршиак сказал Пушкину: «...я позволил себе обещать, что вы будете обходиться со своим зятем, как с знакомым». «Напрасно, — воскликнул запальчиво Пушкин. — Никогда этого ее будет. Никогда между домом Пушкина и домом Дантеса ничего общего быть не может». ⁵⁶

Тогда, в ноябре, эти слова могли казаться признаком остаточного раздражения, теперь угроза Пушкина стала очевидностью. Пушкин порвал все отношения с Геккернами. Ни он сам, ни его жена не принимали их и не бывали в их доме.

Решение Пушкина не иметь ничего общего с Дантесом как бы сохраняло в силе его вызов. Еще одной попыткой сгладить отношения, снять со своего дома оттенок неблагопристойности, заставить общество забыть о событиях, предшествующих дуэли (в своем доме Геккерны разыгрывали «веселость и большое согласие», как записал Жуковский), и был приход Геккерна к Пушкину.

Слова Пушкина о «сношениях» между семьями не укладываются в контекст оскорбительного письма, но их легко объяснить как ответ на только что состоявшееся обсуждение этого вопроса (если приступ гнева и «ссору на лестнице» можно назвать обсуждением).

Приходу Геккерна предшествовали события, которые Жуковский обозначил французскими фразами о «балагуре» и «счастье». Объяснение этих записей дают некоторые свидетельства современников. Вот отрывок из того самого письма С. Н. Карамзиной,

⁵⁴ Бельчиков Н. Ф. Неизвестное письмо В. Ф. Вяземской о смерти Пушкина. — *Новый мир*, 1931, кн. 12, с. 190—193. Ср.: Звенья. М.; Л., 1936, т. VI, с. 77—78.

⁵⁵ *Пушкин*. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 221, 407.

⁵⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 304.

В котором она с горечью вспоминает, как легко судачила о семье поэта в самый день «этого великого несчастья»: «Сказать тебе, что в точности вызвало дуэль теперь, когда женитьба Дантеса, казалось, сделала ее невозможной, — об этом никто ничего не знает. Считают, что на балу у Воронцовых, в прошлую субботу, раздражение Пушкина дошло до предела, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом. А эта неосторожная не побоялась встретиться с ним опять в воскресенье у Мещерских и в понедельник у Вяземских! Уезжая от них, Пушкин сказал тетушке: „Он не знает, что его ожидает дома!“. То было письмо к Геккерну-отцу, оскорбительное сверх всякой меры, он называл его, отца, старой сводней (тот в самом деле исполнял такую роль), а сына подлецом, трусом, осмелившимся и после женитьбы обращаться вновь к госпоже Пушкиной с казарменными речами и с гнусными объяснениями в любви, и грозил, если этого оскорбления будет недостаточно, оскорбить его публично на балу. Тогда Дантес послал к нему некоего господина д'Аршиака, из французского посольства, своего секунданта, чтобы передать ему вызов; это было во вторник утром, а вечером, на балу у графини Разумовской, я видела Пушкина в последний раз; он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил, он несколько раз судорожно сжал мне руку, но я не обратила на это внимания».⁵⁷

Слова «казарменные каламбуры» (это выражение из письма Пушкина к Геккерну) раскрываются в воспоминаниях Соллогуба: «Дантес <. . .> встречаясь на балах с Натальей Николаевной, подходил к ней и балагурил (здесь то же сравнение: Дантес — балагур, что и у Жуковского. — Я. Л.) с несколько казарменной непринужденностью. Взрыв был неминуем и произошел несомненно от площадного каламбура. На бале у гр. Воронцовой, женатый уже, Дантес спросил Наталью Николаевну, довольна ли она мозольным оператором, присланным ей его женой. — *Le ridicule prétend, —* прибавил он, — *que votre cor est plus beau que celui de ma femme*».⁵⁸ Каламбур строился на игре французскими словами «cor» — «мозоль» и «corps» — «тело».

Бал у Воронцовых был 23 января. Дантес мстил Пушкину за испытанное унижение и свой «казарменный» комплимент постарался сказать так, что его слышали окружающие. «Балагур метит хорошо» — похоже на реплику человека, слышавшего этот разговор. Пикантный каламбур, по-видимому, быстро распространился среди присутствующих. Дошел он и до Пушкина. «Вы принесли мне счастье» — очевидно, слова Пушкина, сказанные Дантесу. Его пошлые остроты, казарменный тон отвратили от него жену поэта и потому «принесли счастье» Пушкину.

«Казарменные» каламбуры — вот и все, что сумел узнать Жуковский о причинах отправки «ругательного» письма. О «ссо-

⁵⁷ Пушкин в письмах Карамзинных, с. 167.

⁵⁸ Мозольщик уверяет, что у вас мозоль лучше, чем у моей жены (франц.). См.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 305.

ре на лестнице» он услышал, как мы видели, позднее, уже тогда, когда Пушкин был ранен.

События дня дуэли записаны им со скрупулезной точностью. Вот эта запись:

«Встал весело в 8 часов. — После чаю много писал — часу до 11-го. С 11 обед. — Ходил по комнате необыкновенно весело, пел песни. — Потом увидел в окно Данзаса, в дверях встретил радостно. Взошли в кабинет, запер дверь. — Через несколько минут послал за пистолетами. — По отъезде Данзаса начал одеваться; вымылся весь, все чистое; велел подать бекешь; вышел на лестницу. — Возвратился, — [принес] велел подать в кабинет большую шубу и [поехал] пошел пешком до извозчика. — Это было ровно в 1 час. — Возвратился уже темно. В карете. Данзас входит, спрашивает: Барыня дома — вынесли из кареты люди. — Камердинер взял его в охапку. Грустно тебе нести меня — попросил.

Жена встретилась в [диванной] передней — дурнота — p'entres pas.⁵⁹ Его положили на диван. Горшок. Разделся и все новое белье. Сам велел все; потом лег. У него все был Данзас. Жена вошла, когда он был одет и когда уже послали за Арендтом. — Задлер. — Арендт часу в девятом.

В понедельник приезд [Дантеса с] Геккерн, ссора на лестнице».

Запись Жуковского донесла до нас настроение Пушкина в этот трагический день его жизни. Мы узнаем, что он «встал весело», «весело» ходил по комнате, «пел песни», «радостно» встретил Данзаса.

К. Брюллов говорил: «Какой Пушкин счастливец! Так смеется, что словно кишки видны».⁶⁰ Познакомился Брюллов с Пушкиным в мае 1836 г., в Москве. Пушкин был счастливым мужем, отцом, был весел с друзьями. Совсем другие эпитеты сопровождают упоминания о Пушкине уже в сентябрьских письмах Карамзиных: «молчаливый, бледный, угрожающий», взгляд его «блуждающий, дикий, рассеянный» (С. Н. Карамзина). А вот как описывает С. Н. Карамзина встречу Пушкина с Дантесом, только что оправившимся от болезни, у Мещерских 29 декабря: «Третьего дня он вновь появился у Мещерских, сильно похудевший, бледный и интересный, и был со всеми нами так нежен, как это бывает, когда человек очень взволнован или, быть может, очень несчастен. На другой день он пришел снова, на этот раз со своей нареченной и, что еще хуже, с Пушкиным; снова начались кривляния ярости и поэтического гнева; мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим хохотом. Ах, смею тебя уверить, это было ужасно смешно».⁶¹

⁵⁹ не входите (франц.).

⁶⁰ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 315.

⁶¹ Пушкин в письмах Карамзиных, с. 148.

Очевидно, не только в доме Карамзиных Пушкин был недобрым и мрачен в последние месяцы своей жизни. Та же С. Н. Карамзина возмущается тем, что поведение поэта «приводит в движение все злые языки города». ⁶² Пушкин и его жена попали в ловко расставленную западню. Движущие силы интриги были скрыты от посторонних глаз. В свете видели отдельные, статичные моменты, фиксировали настроение поэта. Свет был шокирован открытым проявлением эмоций.

Вот что пишут друзья Пушкина: «В петербургском обществе образовались две партии: одна за Пушкина, другая — за Дантеса и Геккерена. Партии эти, действуя враждебно друг против друга, одинаково преследовали поэта, не давая ему покоя» (Данзас). ⁶³

«Кто знал Пушкина, тот понимает, что не только в случае кровной обиды, но даже при первом подозрении он не стал бы дожидаться подметных писем. Одному богу известно, что он в это время выстрадал, воображая себя осмеянным и поруганным в большом свете, преследовавшим его мелкими непрерывными оскорблениями. Он в лице Дантеса искал или смерти, или расправы со всем светским обществом» (Соллогуб). ⁶⁴

«Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало, когда он видел, что враг его встал совсем чистым из грязи, куда он его бросил. Тот гений, что составлял славу своего отечества, тот, чей слух так привлек к рукоплесканиям, был оскорблен чужеземным авантюристом < . >, желавшим замарать его честь; и когда он, в негодовании, накладывал на лоб этого врага печать бесчестия, его собственные сограждане становились на защиту авантюриста и поносили великого поэта. Не сограждане его так поносили, то была бесчестная кучка, но поэт в своем негодовании не сумел отличить выкриков этой кучки от великого голоса общества, к которому он бывал так чуток. Он страдал ужасно...» (Александр Карамзин). ⁶⁵

Может быть, однажды у Пушкина мелькнула надежда выпутаться из ловушки — 23 ноября, когда он дал слово императору не драться ни под каким предлогом. Он мог надеяться, что царь возьмет под защиту его честь и честь его жены. Мало ли возможностей было у императора? Пасквиль, сочиненный посланником, задевал и его, императора всея Руси. И Николай I, действительно, расправился с Дантесом и Геккерном, но уже после дуэли.

Данзас утверждал, что полиция знала о дуэли, но «жандармы были посланы, как он слышал, в Екатеринбург, будто бы по ошибке, думая, что дуэль должна происходить там, а она была за Черной речкой, около Комендантской дачи». Версия о посылке

⁶² Там же, с. 148.

⁶³ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 323.

⁶⁴ Там же, с. 302.

⁶⁵ Пушкин в письмах Карамзиных, с. 191.

жандармов отрицается пушкиноведением. Следует отметить, что воспоминания Данзаса отличаются точностью. Человек обязательный, с четким представлением о чести и честности, не стал бы выдумывать небывлицы. Если он говорит «слышал», можно полагать, что он слышал историю о жандармах от человека, которому мог доверять, и не стал бы отдавать в печать заведомую выдумку. Однако прямых доказательств, что Бенкендорф знал о дуэли, у нас нет, и версия, которую мы можем предложить, держится на весьма зыбких основаниях.

В. Ф. Вяземская рассказывала П. И. Бартеневу, что «накануне дуэли, вечером, Пушкин явился на короткое время» к ней и сказал ей, что «положение стало невыносимо и что он послал Геккерну вторичный вызов. Вечер длился долго. Княгиня Вяземская умоляла Василия Перовского и графа М. Ю. Виельгорского дожидаться князя и вместе обсудить, какие принять меры. Но князь вернулся очень поздно». ⁶⁶ Здесь несомненная путаница. В письме, написанном сразу после смерти Пушкина, Вяземская сообщает, что узнала об отправлении письма Геккерну не 26-го, а 25 января. Трудно предположить, что Пушкин еще раз заходил к ней, чтобы сообщить об этом. Но разговор с Виельгорским и Перовским мог происходить накануне дуэли, когда князя не было дома. В этот день (26-го) и могла возникнуть у них идея как-нибудь повлиять на ход событий. Мы знаем, например, об активных действиях М. Ю. Виельгорского, который также получив анонимный пасквиль, не отнес его Пушкину (как сделали Хитрово и Соллогуб), а передал в III отделение. ⁶⁷ Не желая причинить лишнюю боль поэту, он постарался принять меры, чтобы полиция могла найти оскорбителей. Конечно, этот поступок противоречил бы принятым нормам поведения и имя человека, который предпринял отчаянную попытку спасти Пушкина, вряд ли когда-нибудь откроется. Остается верить тому, что друг Пушкина «слышал» о действиях Бенкендорфа.

Только перед дуэлью поэт почувствовал, что может потряхнуть с души все мучительные мысли и ощущения последних месяцев. Рядом с ним в этот день был его лицейский друг Данзас. Выбор Данзаса в секунданты подтверждает решимость Пушкина драться во что бы то ни стало; Данзас не был светским человеком, не принадлежал к его кругу и поэтому меньше, чем кто-либо другой, мог сделать для предотвращения дуэли. Вот как сам Данзас объяснял свое согласие быть секундантом Пушкина (в рапорте, поданном в Военно-судную комиссию): «После всего, что я услышал у г. д'Аршиака из слов Пушкина, хотя вызов был со стороны г. Геккерена, я не мог не почитать избравшего меня в свидетели тяжело оскорбленным в том, что человек ценит дороже всего в мире: в чести жены и его собственной; оставить его в сем поло-

⁶⁶ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 104.

⁶⁷ См.: Поляков А. С. О смерти Пушкина. По новым данным. Пб., 1922, с. 13.

жении показалось мне невозможным, я решился принять на себя обязанности секунданта». ⁶⁸

Когда послал Пушкин за Данзасом? Скорее всего рано утром, в день дуэли. Примечательная деталь: о том, что в этот день до часу Пушкин не выходил из дому, мы знаем только из заметок Жуковского. Сам Данзас и все мемуаристы утверждают, что встреча с Данзасом была «случайной», на улице. Поэт будто бы, увидев Данзаса, посадил его в свои сани и попросил поехать с ним во французское посольство, чтобы присутствовать при одном разговоре. Свидетельства о случайной встрече — несомненный результат сговора близких поэту людей. Цель этого сговора — смягчить вину Данзаса перед судом, так как по закону секунданты при «зачагги драк должны были приятельски искать помирить ссорящихся, и ежели того не могут учинить, то немедленно по караулам послать и о таком деле объявить». ⁶⁹

Мы не знаем, кто из мемуаристов был посвящен в последовательность событий, но Жуковский пишет так, как было на самом деле. В 12-м часу утра у Пушкина успел побывать еще библиофил Ф. Ф. Цветаев, который «говорил с ним о новом издании его сочинений». «Пушкин был весел, — вспоминает Цветаев. ⁷⁰ Подробности дуэли Жуковский описывает в письме к С. Л. Пушкину 15 февраля 1837 г. со слов единственного свидетеля дуэли (со стороны Пушкина) — Данзаса. В конспективных заметках отмечено только, когда Пушкин вышел из дому и когда вернулся.

И, наконец, последняя группа записей Жуковского:

«Спасский. О жене и Грече.

Арендт.

Просит прощения.

Уехали.

Страдание ночью.

Возвращение Арендта.

Фельдъегерь.

Прибытие Арендта.

Записка.

Исповедь и причащение».

В первый же день своего ранения Пушкин знал, что он умирает, знал, что нужно привести в порядок дела, что у него есть еще несколько дней (или часов), чтобы позаботиться о жене и детях. Жуковский записал: «Спасский. О жене и Грече». Это были первые распоряжения Пушкина. «Пожалуйста, не давайте больших надежд жене, — сказал поэт доктору Спасскому, — не скрывайте от нее, в чем дело; вы ее хорошо знаете; она должна все знать». Пушкин понимал, что «злые языки города» будут судачить о его жене. Ее сочтут виновницей дуэли, ее репутация будет обсуждаться, но у нее уже не будет защитника. Если дать ей надежду, что он останется жить, то успокоенность сочтут за

⁶⁸ Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном, с. 79.

⁶⁹ Там же, с. 104.

⁷⁰ Литературное наследство. М., 1952, т. 58, с. 138.

равнодушие. Поэтому первые его слова Спасскому были «о жене». Он не забыл выразить сочувствие Н. И. Гречу — 25 января умер сын Греча Николай, а в день дуэли состоялись похороны. Успел Пушкин распорядиться и своими бумагами — какие-то бумаги попросил Данзаса сжечь, «продиктовал ему все долги, на которые не было ни векселей, ни заемных писем». ⁷¹ Просил прощения у царя за то, что не выполнил обещание, данное ему на аудиенции 23 ноября. Только двумя неопределенными словами «просит прощения» и обмолвился Жуковский об этой аудиенции в своих конспективных записках.

Хорошо известны слова Николая I, сказанные Жуковскому, что Пушкина «насилу заставили» умереть, как христианина. Между тем свидетельства современников о последних днях поэта, казалось бы, не дают повода царю считать себя причастным к тому, что было естественным для умирающего человека, — к исповеди и причащению. Жуковский со слов доктора Спасского пишет, что «в самый день дуэля» у Пушкина «спросили, желает ли исповедаться и причаститься. Он согласился охотно, и положено было призвать священника утром». ⁷² Спасский рассказывает, что после этого к Пушкину приехал Арендт с запиской от царя. Текст записки сохранился только в памяти друзей Пушкина. Арендт должен был прочитать ее Пушкину и тотчас вернуть царю. Николай писал: «Есть ли бог не велит нам уже увидеться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по-христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение». ⁷³ Николай I впоследствии приписывал «христианскую» смерть Пушкина своему давлению. «...мы насилу довели его до смерти христианской», — сказал он Жуковскому в ответ на просьбу отметить смерть Пушкина специальным рескриптом. В действительности же Спасский несомненно передает правду, когда пишет, что Пушкин ответил согласием на совет родных и друзей причаститься. Записка царя, очевидно, только ускорила совершение обряда. ⁷⁴

Конспективные заметки Жуковского фиксируют дальше обстоятельства отпевания и похорон Пушкина, «посмертный обыск» бумаг поэта, действия правительства и друзей Пушкина. Но это уже выходит за рамки нашей статьи. ⁷⁵

⁷¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 331.

⁷² А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 347. У Спасского читаем: «Врачи, уехав, оставили на мои руки больного. По желанию родных и друзей Пушкина я сказал ему об исполнении христианского долга. Он тот же час на то согласился» (там же, с. 336).

⁷³ *Пушкин*. Полн. собр. соч., т. XVI, с. 228.

⁷⁴ Об исполнении Пушкиным обряда и словах благодарности царю см. в нашей статье «Жуковский и последняя дуэль Пушкина», подготовленной для издания «Пушкин. Исследования и материалы», т. XIII.

⁷⁵ Об этой части заметок Жуковского см.: *Боричевский И.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937, т. 3, с. 370—392; *Левкович Я. Л.* Заметки Жуковского о гибели Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974, с. 77—83.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Пушкинский Дом)

ЖУКОВСКИЙ
И
РУССКАЯ
КУЛЬТУРА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987